

ТАНИН КАМЕНЬ

Рассказ

Грубый камень, обколотый с четырёх сторон так, что получился неровный, неправильной формы квадрат — это кусок твёрдого песчаника.

Ненужный никому, найденный когда-то на редко хоженной лесной тропинке, недалеко от мостков через мелкую неширокую речку, коих великое множество во всей Заволжской стороне, сейчас лежит на краю моего письменного стола в пустующем месяцами деревенском доме.

Кто этому камню придавал такую форму — я не знаю. Не похоже, чтобы человек. Вернее всего, сама природа от какого-то большого пласта отломила небольшой кусочек спрессованного за тысячелетия песка, на поверхности которого рельефно на все времена запечатлелся след водной ряби. Его оставило древнее море.

Я поглаживаю эти волны ладонью и понимаю, что соприкасаюсь с неведомым миром, навсегда исчезнувшим с нашей планеты. Когда дотрагиваюсь ладонью до округлости мелких окаменевших волн, что-то во мне пробуждается, какая-то древняя-древняя память.

Я будто слышу, как надо мной шумят гигантские деревья, чьи далёкие кроны в вышине раскачивает вольный ветер. Бесконечная, безбрежная зеленатоватая водная гладь уходит от берега, и в ней, сквозь голубизну облаков, золотом отражается свет закатного солнца. А у берега тихо нашёптывает что-то мелкая, успокоенно-вечерняя волна, пришедшая к песчаной отмели из-за окрасившегося пурпуром горизонта.

Но не буду дальше фантазировать.

Сейчас этот камень на столе, что изготовил местный умелец лет сто назад (а ведь тоже в другую эпоху, когда столы со стульями были самодельными, не фабричными), прижимает к почерневшим доскам столешницы стопку толстых литературных журналов, дабы ветерок, что врывается в комнату через открытое окно, не растрепал их пожелтевшие страницы. Ведь журнальным книжкам тоже не один десяток лет.

Такое самое примитивное, но и необходимое предназначение определил я этому вестнику из далёкого прошлого.

И всё-таки для меня этот осколок песчаника имеет свою личную, вполне конкретную, не проходящую память. Иначе, зачем бы я его хранил, ради чего он бы появился в моём доме?

Вернее, если уж быть последовательным и точным в изложении нашей истории, изначально этот дом мне не принадлежал.

В конце восьмидесятих годов прошлого века, предчувствуя надвигающуюся на страну беду, я купил его у прежних хозяев, которые переехали жить в новую благоустроенную квартиру на центральной усадьбе совхоза.

Вид у дома был брошенный, но, несмотря на это, он мне сразу понравился. Да, собственно, и был первым и единственным, который я смотрел с целью приобретения.

Работы впереди по его обживанию предстояло много, но я решился. Подкупали замечательные места, что окружали тихую деревеньку: сонно журчащая крохотная речушка в овражке на краю усадов, вокруг, куда ни кинь взгляд, — леса.

Пятистенок с высокой двухскатной крышей, просторнейшим чердаком, три окна выходило на улицу, четыре вдоль южной стены в заросший муравой проулок. Северная и восточная стены без окон. К северной примыкали сени, клеть, двор со стойлами для коров, овец, свиней. К восточной — дровяник.

В избе в красном углу на двух полках тесно стояли потемневшие иконы старого письма.

Русская печь занимала добрую половину комнаты. Около неё, за ненадёжными досчатыми перегородками с одной стороны сколочены палаты, с другой (тут было пространство женской половины дома) к стене прибиты посудники — полки с продольными планками.

В просторной светлице в углу ещё несколько икон: Иоанна Крестителя, Владимирской Божией Матери, Неопалимая Купина... Грозно взирал на непрошенных гостей со старинной доски святой епископ Митрофан Воронежский. Лик его строг, без прощения.

Широкие половицы пола не скрипнули под ногой, словно это и не дерево вовсе, а вековые, отполированные до старинной костной желтизны многими подошвами живших здесь когда-то людей каменные плиты.

Мощная матица была основой, держащей потолочные доски, выкрашенные белой краской. Доски крепились с одной стороны на срубе, с другой ложились на матицу — так велико было пространство комнаты.

Крылечко у входа оказалось аккуратным, уютным, гостеприимным.

Центральные окна выходили в небольшой палисадник, за которым через дорогу виднелось небольшое поле для выгона скота, далее опять же высился многие годы не тревоженный вырубками смешанный лес.

В начале деревни разлилось большое озеро, образовавшееся за счёт возведённой плотины, что перегородила ту самую речку из оврага. Русло её, подняв на достаточную высоту, пустили по бетонному туннелю под дорогой — пусть дальше бежит по лесным чащобам. Озёрная же гладь стала прибежищем для диких уток, глубина — для всевозможной рыбы, доставляла ни с чем ни сравнимую радость купальщикам из ближних деревень в жаркие летние дни.

Одним словом — рай земной, а не место!

Ведь главным образом, почему я хотел купить именно дом в деревне, а не, например, участок в садовом товариществе, это — свобода.

В товариществах нужно бесконечно подчиняться всяким решениям собраний, инструкциям и правилам, неведомо кем составленным и когда утверждённым, приказам и проверкам.

Хотелось вольной, самостоятельной жизни на своей законной земле, где строй что хочешь и где хочешь. И никакой сосед тебе не дышит в затылок из соседнего огорода, перекапывая тесную грядку на экономно нарезанных правлением сотках.

Но была и вторая причина, почему мне захотелось занять свою собственность на земле: у меня подрастали две дочурки и мечталось, чтобы они в летние месяцы как можно больше времени проводили на свежем

воздухе, пили парное коровье молоко, лакомились ягодами, бегали босиком по траве, ходили в лес за грибами (тут, конечно, со мной или мамой), купались, слушали пение птиц и любовались звёздным небом...

Да разве мало о чём мне тогда мечталось!

2

Конечно же, я намечтал себе, как буду купленный дом переделывать. И потому следующей весной с азартом принялся за дело. Но слишком быстро понял, что задуманное мне одному не по плечу.

Первые сложности начались, когда попытался поправить фундамент дома. Большая русская печь, что сложена прямо на полу дома, без всяких подпорок в подполе, была такой тяжести, что в одном из углов сруб несколько просел. Домкрат не смог поднять сруб на достаточную для работы высоту. Тогда пришло решение разобрать русскую печь и на её месте сложить другую, поменьше, с подтопком.

Ломал довольно долго и трудно. Всё дело в неумении. За что ни возьмись — всё несподручно. Но всё-таки, справился, хотя, как потом выяснилось, кирпичи из сырой глины я зря выбросил в яму, которую после засыпал привезённым песком.

Настало время поднимать угол.

Приглашённые из совхоза плотники с лёгкостью меня заверили, что им это раз плюнуть: сейчас необходимо выставить водки, дать закусить, а уж завтра они придут, займутся работой и тогда...

С водкой специалисты скоро и доблестно расправились, после каждого стакашка закусывая её слегка отломанным ломтиком хлеба, но ни на следующий день, ни через неделю... и вообще никогда я их больше не увидел. Стало понятно, что с подъёмом сруба придётся справляться своими силами.

Вообще только начав появляться в деревне, я по-настоящему понял, что местный люд довольно склочен, даже по пустякам, и вороват, потому старался обращаться к ним «на деловые темы» как можно реже. Понимаю, что это несколько не соответствует «почвенническому» взгляду на крестьянский образ жизни, но я, делая такие оценки, исхожу из собственного опыта.

Конечно, мерить всех под одну гребёнку нельзя. Позже я расскажу о совершенно иных людях, с которыми меня свела деревенская жизнь. Приведу совершенно иной пример отношения к нашей семье крестьян, коренных деревенских жителей, но пока дело обстояло именно так.

В течение лета с одним добрым человеком угол дома мы всё-таки подняли.

Оставшийся единственным на всю округу печник, старик хоть и крепкий, но почтенного возраста, с трудом согласился на предлагаемую работу. Печь он клаал с помощником, который и привозил его на «Москвиче» из дальней деревни. Когда работа подошла к концу, помощник мне предложил:

— Лезь на крышу к трубе.

— Зачем?

— Поленья ловить будешь.

На крышу я, конечно, не полез, но печь получилась на славу, с отменной тягой.

После этого настала очередь заняться двором.

Тут пришлось за ненадобностью разобрать все внутренние постройки, которые оказались срубленными из брёвен и накрыты (как я понимаю, для тепла скотине) потолочинами — распиленными напололам стволами, пазы между которых утеплены мхом и замазаны глиной. Свободное место между потолочинами и крышей двора служило сеновалом. Остатки пыльной высушенной травы слежавшимися пластами там ещё хранились.

Когда разобранные брёвна, потолочины, доски были вынесены на улицу, я удивился образовавшемуся пространству. Во дворе нашёл много предметов прежнего крестьянского быта: колёса от телег, столярные инструменты, которыми сейчас уж давно никто не пользуется, серпы и косы, самодельные деревянные рамы для фотографий, ящички и шкапулочки, запасные наличники для окон, поделки, вырезанные из коровьего рога, металлические весы, что крепились к потолку, старинные кованые гвозди... Предметы прежнего быта большой семьи основной частью пришлось выбросить, но кое-что я всё-таки оставил как некие этнографические экспонаты.

Следующего благоустройства требовал чердак.

Для начала его необходимо было очистить, выбросить немислимое количество старой обуви от самых маленьких детских размеров до взрослых сапог и ботинок.

В деревенском хозяйстве всё приберегалось «на всякий случай»: ненужные бутылки, стеклянные банки, изломанные раскладушки, измятые детские игрушки... Всего не перечислить.

Но отыскались на чердаке и интереснейшие вещи: старинные донца для прялок, окрашенные городецкой росписью, керосиновые лампы с запасом стёкол, разобранный деревянный ткацкий стан, выточенные из ствола бочонки с набором разных деревянных веретён, стеклянные бутылки больших размеров: раньше я подобные видел только в художественных фильмах о прежней крестьянской жизни.

Особая находка: бережно завёрнутые в старый полушубок латунные подсвечник и лампада — явно принадлежащие к церковной утвари. (Позже случайно узнал, что живший в доме дед являлся церковным старостой.)

Удивило, что на всех углах сруба лежали отслужившие свой век иконные доски. Разобрать, что на них написано, оказалось невозможным. Красочный слой облупился, осыпался. Догадался, что не просто так они лежат, и потому не тронул. Явно традиция, пришедшая из не близких времён, как оберег от всего дурного, бедственного.

Перестройка чердака совпала с ремонтом городской квартиры, в которой деревянный пол менялся на паркет. Вся половая доска была вывезена в деревенский дом, где мои сотрудники с работы за несколько дней всё настелили. Досок из трёх комнат хватило тютелька в тютельку, чтобы покрыть пространство чердака до такого предела, где бы далее можно было установить стены, упирающиеся в скат крыши.

Потолок и скаты до стен обили светлой сосновой фальцованной доской. И получилась горница из двух комнат. Или что-то вроде моего рабочего литературного пространства с библиотекой (стеллажи сколотили вдоль всех стен) и письменным столом.

Большие окна с двух сторон занимавшие значительную часть торцовых стен, вольно пропускали дневной свет.

Последним был разрушен дровяник — сарайчик, в котором хранились колотые дрова. Но об этом речь впереди.

3

Шло время, и, худо-бедно, но поставленные самим перед собой задачи по обустройству деревенского жилища я решал. Да и дочурки стали подрастать, начали, как и мечталось, подолгу жить за городом на свежем воздухе. У них в деревне появились свои друзья. И в первую очередь, местный пёс Буян — любимец всей деревни кобель, гончей породы.

Вся территория деревни была для него родным домом. Попав сюда ещё щенком, Буян всех проживающих на нашем порядке, нашей единственной небольшой улице, считал своими. Рыжий сухопарый пёс с отвислыми ушами был добр, доверчив и ласков. Дети могли с ним делать всё, что заблагорассудится — без опаски. Когда игры заходили уж очень

далеко, Буян слегка начинал рычать, осторожно обнажал клыки, поднимался с земли и не спеша убегал.

В это время в его трусце не чувствовалось обиды. Лучше сказать: отработав положенное время, он удалялся на отдых.

У каждого дома стояла плошка, куда хозяева клали кости, прочую еду для пса.

Буян днём неторопливо оббегал все дворы. Если видел, что ему что-то оставили, подходил к плошке, деловито осматривал и обнюхивал содержимое. Первым делом, лакая, поглощал жидкость. Затем осторожно брал в пасть край плошки, аккуратно вываливал оставшееся содержимое на землю и уже отдельно это съедал.

Если подбегала маленькая чёрненькая, мохнатая и в отличии от Буяна злая и лающая собачонка Жучка (у неё был свой хозяин и жила она только на его участке за штакетником), кобель по-джентельменски отходил в сторону, позволяя в первую очередь насытиться своей подруге.

Вообще наблюдать за дружбой кобеля и маленькой сучки было очень интересно. Но сейчас не об этом. Так вот, каково же было моё удивление, когда узнал, что Буяна боится вся округа как злого и коварно кусаемого пса.

— Невозможно спокойно пройти мимо вашей деревни, — как-то сказала моей жене случайная попутчица. — Уж вроде бы далеко по дороге её обхожу. Так нет — подкараулит, выскочит, облает. Того и гляди — в ноги вцепится.

Трудно было в эти слова поверить, но ведь и неправду говорить жительнице соседней деревни не было никакого резона.

Вот такой сложный характер был у Буяна.

Любимым его занятием оказалось бегать по окрестным лесам. Уйдём в поисках грибов уж, кажется, в самую даль. Режем неторопливо чёрные грузди или лисички — когда на какой год что вырастет. Вдруг шорох, мелькание рыжей спины меж кустов и деревьев. И вот — выскакивает: нате, пожалуйста.

Почти не было такого случая, чтобы не встретить Буяна в разных уголках наших окрестных лесов. Охотничий пёс тосковал без главного своего занятия, ради которого он и явлен на эту землю.

Была у гончей и ещё одна особенность: всякого жителя нашей деревни провожал за два с лишним километра до автобусной остановки, что на трассе. Дойдя, пёс ложился в сторонке на травку и ждал, пока «хозяева» не усядутся в подошедший автобус и не уедут. Только тогда трусдой, по полям и перелескам, мимо озера возвращался в деревню.

Один раз и вовсе произошёл примечательный случай. Мы с женой были тому непосредственные свидетели.

Возвращаясь в город, раньше срока пришли на остановку. До автобуса ещё слишком долго. Поразмышляв, решили какое-то расстояние пройти пешком, прогуляться.

Машин в это время по дороге едет немного, идти по асфальту, изредка сворачивая на обочину, не трудно. Вокруг лес, из которого тянет свежестью недавно прошедших дождей. Могучие ели высятся исполинными зелёными пирамидами, увешанными на вершинах коричневыми шишками-сосульками. У дороги буйно желтеет цветами-зонтиками пижма. По опушке розовеет остроконечными цветами-горками иван-чай. А между пижмой и иван-чаем россыпь островков бело-жёлтых ромашек, редкие голубые колокольчики шевелит лёгкий ветерок, кусты цикория усыпаны синими цветами, лепестки которых столь нежны, что скопившиеся на них капли влаги как увеличительное стекло помогают разглядеть каждую прожилку цветка.

Одним словом — будто на экскурсии — иди и любуйся буйством открывшейся тебе лесной жизни.

Если честно, я давно мечтал это сделать — пройти около пятнадцати

километров до станции пешком. А тут день выдался хмурый, не жаркий, грех было не воспользоваться выпавшим случаем.

Буян последовал за нами. Мы были уверены, что он скоро отстанет, но нет, пёс оббегал придорожные кусты, углублялся в лес, на какое-то время исчезал вовсе, но вдруг выскакивал из придорожной канавы прямо нам под ноги, весело виляя хвостом.

На нашем пути встречались чужие деревни. Их дома стояли в несколько десятков метров от дороги. Увидев незнакомого пса, местные собаки поднимали жуткий лай, и тогда Буян шёл рядом с нами у самых ног, чуть не прижимаясь к ним, как бы показывая недогадливым недоброжелателям: я не сам по себе, я с хозяевами, а они меня в обиду не дадут.

Но стоило миновать опасный участок, наш сопровождающий снова исчезал в лесу.

Всё это длилось около трёх часов. Нас давно обогнал тот самый автобус, прихода которого мы не дождались на остановке. Пришло время выйти к большому шоссе, соединяющему Нижний Новгород с Кировым. Но и здесь верный пёс нас не покинул. Вместе мы прошли по обочине до развилки, ведущей к станционному посёлку.

Пройдя по новой дороге с полкилометра, Буян, наконец, остановился на вершине пригорка и оттуда долго смотрел нам вслед до тех пор, пока мы не повернули к железнодорожному вокзалу. Метров за двести на повороте дороги я последний раз оглянулся, помахал псу рукой, как бы показывая — возвращайся обратно. И он, словно поняв мой жест, развернулся и отправился назад, скрылся от моих глаз.

Столько же в этом прощании пса с нами было невыразимо-человеческого, понятливого, равнодушного, что в памяти моей этот случай запечатлелся особым чувством.

Да, необычная была собака. Не всякий человек в своих поступках так разумен и сострадателен.

4

Но вернусь к своим строительным работам и к камню.

Пришло время разрушить и дровяник, чтобы на его месте поставить довольно просторную веранду.

Привёз я из города двух рабочих, которые неспешно взялись за дело.

Что и говорить, мне надлежало, насколько это позволяло моё свободное от основной работы время, приглядывать за плотниками, помогать. Супруга в это время с детьми жила в деревне, и на её плечи легли основные хлопоты: всех нужно было накормить, рабочих устроить на жильё, подсказать, где что необходимое для сооружения веранды взять.

Старшей дочке тогда исполнилось семь лет. Младшая ещё кроха — три годика.

И надо же такому случиться, что именно в это время у меня разболелись суставы на ноге. Ходил сильно хромая. Нарботавшись же за день, и вовсе света белого не видел от боли в опухшей щиколотке. А жена просит — нужно сходить в совхоз за двумя трёхлитровыми банками молока для детей.

Идти нужно через всю деревню, за дорогой пересечь поле, пройти по тропинке между посадками сосны и лесом. Только после этого войти в посёлок и, пройдя его наполовину, около медицинского пункта свернуть направо, подняться по склону до нужного проулка, где и стоял дом нашей молочницы. В общем, путь не близкий и утомительный даже со здоровыми ногами, а тут с больной. Да к тому же с двумя банками его предстояло проделать в обратном направлении.

Но что делать. Спрашиваю: кто пойдёт со мной? Хотя бы от того, что кто-то сочувствующий идёт рядом, и то на душе было бы легче.

Танечка, я это уловил в её голосе, понимая, что мне тяжело, откликнулась согласием.

— Давай я.

И пошла.

Дни стояли ненастные. Хмурое закатное солнце с трудом пробивалось сквозь густую пелену тяжёлых серых облаков. Дождя не ожидалось, но в природе, измученной проливными ливнями, ощущалось утомление, усталость.

Таня села на велосипед, я взял сумку с пустыми банками для обмена, и мы отправились в путь.

Тут нужно бы несколько слов сказать о том человеке, к которому мы направлялись.

Жила в совхозе добрая пожилая женщина: маленькая, сухонькая, то-ропливо-проворная в делах. Вот она-то одна из немногих (и это в совхозе, практически в деревне), несмотря на свой возраст, держала корову.

— Как не держать, — отвечала она на вопрос, мол, не тяжёлое ли это дело в таком возрасте, вон все соседи давно эти хлопоты бросили, покупают магазинное молоко: проще, дешевле? — Раньше сена насушить негде было. Дадут покос в глухом лесу за дальние километры. Так ту поляну ещё очистить надо от пней, валежин, кустарника, обиходить. Все ближние луга и выпасы использовал колхоз для своего стада. А мы пока после работы туда сбгаем, там наломаемся, в ночь обратно вернёмся (ведь утром опять на работу в коровник или в поле), так умаешься из последних сил. А сено-то нужно накосить, высушить, сметать в стожки, привезти — сколько сил и хлопот... Сейчас травы сколько хочешь, а скотину держать перестали. Как же так? Нет, пока силы есть, буду корову обихаживать. Как без неё?

К нам старушка относилась почти по-родственному. Оставляла ключ от дома в условленном месте. Мы заходили, брали, сколько было нужно трёхлитровых банок молока из холодильника, оставляли пустую тару и уходили.

— Деньги, — наставляла нас хозяйка не без горечи в голосе, — не оставляйте. Придёте, когда я буду дома, тогда и отдадите. Иначе сын их отыщет и пропьёт.

До совхоза мы с Таней добрались: я доковылял, она доехала на велосипеде, то уезжая от меня далеко вперёд, то возвращаясь. Бросив велосипед у тропинки, успевала нарвать небольшой букетик цветов, прежде чем я доходил до неё, вручала его мне, а сама вновь уносилась вперёд.

Пошла она в дом, всё с хозяйкой решила, рассчиталась. За молоком пришлось зайти мне самому. До этого на крыльчке сидел, ноющие свои суставы успокаивал, которые от пройденного пути словно выкручивало.

Отправились в обратный путь.

Дошли до речки. В том месте, где мы её по мостку переходили, с одной стороны образовался небольшой песочный плёсик, а с другой разрослась осока: сильная, зелёная, сочная, жёсткие листья как острые клинки, устремлённые вверх — дотронься, и непременно порежешься.

Вода в речке лесная, торфяная, тёмная до черноты, но в то же время прозрачная, слегка журчащая у бережка: убаюкивающая, словно шепчущая ночную сказку.

Солнце уже опустилось за вершины сосен и берёз, что подступили к самой воде. Сумрак опустился на землю. Надо бы поспешить к дому, но боль в суставах сделалась невыносимой.

— Давай, Танечка, немного отдохнём, посидим тут на бережку.

Присели мы на осыпавшийся бугорок у берёзы. Со стороны воды он, видно, был подмыт весенним разливом. Там невдалеке и лежал этот камень. У самой тропинки.

Я давно его приметил, да мимо проходил, некогда было взять в руки, рассмотреть: то банки с молоком несусь, то так, по лености или невнимательности проходил мимо, не останавливался. Иными словами — не брал, но о нём помнил. Сейчас же он оказался прямо у ног.

Поднял я его, отёр ладонью от налипшего песка, стал дочурке рас-

сказывать, почему его поверхность такая неровная. Признался, что всё собираюсь забрать его с собой, да никак не получается.

Посидели, отдохнули.

Послушали шорох листвы, тревожимой вечерним, порывистым ветром. Проследили взглядом пролёт к своему ночному дереву запоздавшей птицы, на вершине которого она должна была встретить завтрашний рассвет. Свистя крыльями, пронеслись вдоль речки дикие утки, спеша на вечернюю тягу.

Какая-то жизнь в лесу замирала, какая-то только пробуждалась.

Холодной влагой потянуло от земли. Показались на небе, сквозь ненадёжные просветы облаков, первые робкие звёзды.

Мы встали.

Камень я положил на прежнее место. Про себя подумал: до следующего раза.

— Пап, давай возьмём его домой.

— Тяжело, руки и без того заняты.

— Молоко я могу понести, а ты возьми камушек.

— Что ты, не по силам тебе.

— Тогда камушек возьму.

Я, было, принялся Таню отговаривать, да вдруг понял: ведь она для меня хочет этот камень домой принести. Меня пожалела, потому что видит, как мучает меня боль, как мне тяжело. И её доброе сострадательное сердечко откликнулось на эту боль, душевную тяжесть. Дочери захотелось хоть что-то принять на себя, разделить мои муки.

Так мне стало тепло на сердце от этого преданного сочувствия, что я согласился. Но пока шли, всё осторожно поглядывал — каково ей и велосипед катить, и камушек удерживать.

Теперь я вспоминаю многое. Как непросто было её рождение. Как я переживал и впервые в жизни понял, что, не задумываясь, отдал бы свою жизнь, лишь бы с моей дочерью было всё хорошо. Не в каком-то эмоциональном порыве, а холодно и расчётливо, как сделку с судьбой.

Вспомнил её маленькую, смиренную, одну в чужой больнице. Она выходит ко мне в коридор в тёплом длинном халатике в зелёные цветочки, в теплых колготках, принимает от меня сладости и садится рядом; но мне как всегда некогда. Прощаясь, она тоненькими ручками обнимает мою шею и шепчет просьбу, чтобы я забрал её отсюда. Но я не могу этого сделать и она обречённо, одиноко удаляется от меня всё по тому же чужому больничному коридору в палату, где нет ни одной близкой ей души.

Как-то в период гремучей тоски, что поселилась однажды в моём сердце, я лежал одетым на кровати. Дочь подошла ко мне, легла рядом, и вдруг в какой-то момент заплакала.

Я испуганно повернулся к ней, спросил:

— Почему ты плачешь?

— А ты почему? — был мне ответ.

Её сердечко чувствовало мою боль, переживало вместе со мной.

Хотя характер у дочери не простой: то непокорный, то готовый к полному послушанию.

Ей словно с младенчества был открыт трагизм земной человеческой жизни. В глубине её глаз, в которые я засматривался, когда она лежала в кроватке запеленованной куклой, с прижатыми к телу ручками, угадывалась недетская глубина понимания всего происходящего вокруг. И как дочь поразила меня, когда впервые ответила на мой взгляд осознанной узнающей улыбкой. Словно из бездонной глубины своих глаз попыталась передать нечто, что для самого меня было безвозвратно утеряно.

А много ли я чувствовал, понимал, когда сердился на дочь, а она отвечала:

— Ты напрасно меня ругаешь.

Один раз хотел проучить её за непослушание. Тогда на острове посередине Оки существовал пляж. Теперь он сплошь зарос деревьями, а во времена раннего детства моих детей место это, сплошь покрытое речным песком, оборудовалось для отдыхающих.

Маленькая Татьяна непослушно всё норовила убежать от нас к воде. Я её останавливал, а потом решил — пусть попробует узнать, что это такое быть самостоятельной. И когда дочка в очередной раз отправилась погулять без нас, ничего ей не говоря, последовал за ней метрах в двадцати — так, чтобы быть незаметным в толпе купающихся и загорающих.

Моя Танечка наслаждалась свободой: шла не торопясь вдоль берега, заходила в воду, и её никто не останавливал, подбирала на песке высушенные ракушки, подпрыгивала и... нет-нет, да озиралась по сторонам.

Я не вытерпел и подошёл к дочери. Как же она обрадовалась! Бросилась мне на шею, обняла ручонками.

— Что, заблудилась?.. — нравоучительно спросил я.

В ответ она упрямо промолчала.

Много позже, повзрослев, дочь мне как-то призналась, вспомнив тот случай:

— Знаешь, как страшно было!

И во мне всё вскипело жалостью к уже взрослой девушке, которой в детстве я причинил такую боль, необдуманно заставив испытать страх.

Всё-всё разом вспомнилось — и хорошее, и плохое, обличающее меня в отношениях с дочерьми.

Не понять сейчас — горько мне было всё это вспоминать, или как-то иначе откликнулась душа на них. Каким-то особым томлением, нежностью, пониманием вечной слитости наших жизней в каком-то совершенно ином, неземном измерении.

Назвать пережитое только любовью отца к дочери — очень не точно. Всё испытанное казалось глубже, основательнее, значимее для моей судьбы, для всей моей бесконечной жизни.

Но тем камушком, той самопожертвованностью дочь мне преподнесла совершенно иной урок.

Помню только, что неповторимая теплота опустилась в моё сердце откуда-то свыше, заполнила его, чтобы уже не уйти никогда. И вот прошло столько лет, а это чувство живёт во мне неизменно. И нет в моём сердце более важного чувства, чем это. Оттого и живёт оно во мне все эти годы — без срока. Живёт и будет жить до конца дней, пока память не покинет меня.

При выходе из леса в поле откуда ни возьмись выбежал к нам Буян. Хвостом вертит, к ноге прижимается — обрадован поздней нежданной встречей.

Втроём да с камушком нам и вовсе веселее идти стало, хотя темнота по ночному заволокла землю. Только огни двух крайних домов нашей деревеньки призывно светились тёплыми огоньками.

Как пришли домой, моя Таня положила принесённый камушек в сени, и за многие годы о нём так больше ни разу и не вспомнила. Не для себя она его несла, не ей он был нужен — мне.

Для меня была эта жертва, вот я её и приберёг.

Теперь камень большее время стоит на стеллаже, придерживает книги.

Когда хулиганистый ветерок, врываясь сквозь открытое окно, мешает мне спокойно работать за письменным столом, я прижимаю камешком страницы рукописи, развороты книг или вот как сейчас стопку журналов.

Иногда мой взгляд отрывается от листа бумаги. Я смотрю в небольшое оконце на зелёную траву проулка, перевожу взгляд на камень и понимаю, что много лет назад мои дочери любили меня легко и просто. Только мало я тогда об этом думал и почти не замечал.

Дописав поздно вечером этот рассказ, я встал из-за стола, огляделся вокруг, словно вернулся в родной дом из дальнего путешествия.

На улице темно. Закрывая створки окна, немного подождал, послушал, как шуршат капли ночного дождя о листья разросшихся кустов сирени.

Всё в этой комнате напоминает мне о дочерях, которые давно не хотят бывать здесь. У них свои жизни, свои хлопоты и заботы. Мне остались лишь их ранние детские рисунки на стене, игрушки на полках да воспоминания.

Пройдя через первую комнату и сени, я поднялся в верхние помещения.

На стеллажах с книгами стоят необычные поделки, сотворённые руками моих девочек: из необожжённой глины коричневая, смешная, с задраным хвостиком собачонка (уж не наш ли Буян послужил моделью для этой «скульптуры»); из глины же, только на дощечках разукрашенные акварельными красками какие-то мордашки; из щепки кораблик с мачтой, с перилами по краям из вбитых гвоздиков, стянутых разноцветной «телефонной» проволокой. Всё согрето их руками, всё несёт свою память.

Почему детям так часто хочется отгородиться от мира взрослых?

Как-то я заметил, это было ещё до нашего с Таней похода за молоком, что дочка побежала к небольшому островку с деревьями, что у самого края дороги. Беспokoясь, не случилось бы чего, я проследовал за ней, и как же был удивлён, увидев там оборудованный ею домик с игрушечным столиком, принесённым из дома и застеленным чистой льняной салфеткой, детской посудкой, рассаженными на стульчиках куклами, перед которыми на тарелочках лежали печенюшки.

Таня испуганно вскинула на меня глаза. Я успокоил дочурку: «Играй здесь, только осторожно, не выбегай на дорогу». Она, соглашаясь, кивнула головой. Я ушёл, но, как мне кажется, свой домик дочка вслед за мной покинула навсегда — секрет-то был раскрыт, тайна перестала быть тайной, её особый мир перестал принадлежать только ей.

Отыскал на стеллаже альбомы с детскими рисунками дочерей.

Какая это радость, что они сохранились.

Я сидел один в большом доме, наполненном тенями прошлого, листал альбом с детскими рисунками, и сердце моё рыдало от тоски по навсегда ушедшему, невозвратному. От неизбывной, нераскрытой и не утраченной отцовской любви.

Но необходимо рассказать и о судьбах других героев этого повествования.

Добрая наша молочница в скором времени всё-таки отказалась держать корову. Стало не по силам. А спустя некоторое время и вовсе отошла в мир иной.

Пёс Буян не смог пережить одну из голодных одиноких зим в оставленной, занесённой снегами деревне. Сколько кобеля ни пытались увезти на зиму в город, он так ни разу и не дался. Уж и в салон машины с трудом и обманом заманивали, обхватив за бока, заносили. Пёс скулил, оскаливал клыки, от испуга шерсть клоьями слетала с его боков, и всё-таки он вырывался наружу.

Другой жизни, как тут, среди знакомых ему мест ещё со щенячьего появления на свет (пусть голодной, в снегах) он не хотел. Видимо, вольным, пусть даже и голодным, умирать легче, чем сытым, но запертым в четырёх стенах чужой квартиры, куда не долетает запах морозного заснеженного леса.

Жалко пса.

И себя жалко того, молодого, многого не осознающего.

Вот о чём напомнил мне кусок песчаника, отколотый когда-то неведомой силой от большой древней плиты, оставшейся на дне исчезнувшего навсегда моря.

д. Кунавино, 26 мая 2019 г.

ВОЛОДЯ

Рассказ

1

В дверь негромко, но настойчиво постучали.

Сквозь сон не понял: это было на самом деле, или мне приснилось.

Прислушался.

На крыльце осторожно скрипнула половица и всё смолкло.

Я взглянул на будильник, стоявший у книг на стеллажах, убедился, что ночь только заканчивается. Ранний утренний сумрак заполнял комнату сероватым неясным светом. В этом свете оструганные тёмно-медовые плоскости старых брёвен угадывались чернеющими трещинами-разрывами.

Вновь засыпая, ослабленным сознанием я ещё успел подумать: «Кто бы это мог быть?» И тут же самому себе ответил: «Володя».

По деликатности стука, по уважительным к покою хозяев, осторожным шагам на чужом для раннего гостя крыльце это мог быть не иначе, как он.

2

Только в деревне у меня получается так долго и безмятежно спать. Никакие посторонние звуки не доносятся с улицы. Лишь крик соседского петуха проникает непрошеным гостем куда-то вглубь сознания, и там затухает, теряет силу, умолкает, не нарушая глубокого сна. Потому всякий день мы встаём поздно. По деревенской классификации нам одна оценка: «лежебоки».

Этот день ничем от предыдущих не отличался, и потому только к десяти часам утра я увидел на крыльце в чашке пяток куриных яиц.

Ну, конечно, их оставил Володя. Встав спозаранку, чтобы идти пешком в совхозный гараж (там работал стропальщиком), он успел проверить тайком от старушки-матери, что за ночь снесли куры, и обнаруженное оставил у нас в надежде, что позже за приношение удастся опохмелиться.

Когда у меня в доме была водка, я без всяких подношений наливал Володе половину стакана: меру свою он знал и за один раз больше не выпивал.

В то же время Володя считал, что задарма водку ему никто наливать не обязан (это было его принципом, если хотите — сохранением чувства собственного достоинства: мол, ничем я не хуже вас, но уж так получается, что обращаюсь по надобности, и не за подаванием, а на принципах взаимовыгодного обмена), и потому тоже пытался чем-нибудь отдариться: обрезной доской, привезённой тайком с местной лесопилки; десятком всегда нужных в хозяйстве больших гвоздей; срубленной недалеко от дороги крепкой жердиной...

Каждый раз от его приношений я отказывался, ругался (так, для острастки, но осторожно, чтобы ненароком не оскорбить искренних Володиных чувств), бывало, что и стыдил, но он находил способ тихонечко свою поклажу оставить на ступеньках бани, что стояла через дорогу от дома, у забора палисадника — в саду под старыми яблонями. Я находил эти «закладки» довольно продолжительное время спустя, когда вернуть их уже не было никакой возможности — только на себя наводить гнев его родственников: старшей сестры и матери, которые оставались в полном и непреклонном убеждении, что все соседи и знакомые только и думают, как бы спить их брата и сына, а заодно выманивают у него всякую необходимую в хозяйстве вещь.

На этот раз Володя принёс свой «подарок» впрок. Значит, вечером зайдёт выпить положенную порцию водки.

Я позвал жену, показал стоявшую на лавке миску.

Невольно вздохнув и сокрушённо показав головой, жена озабоченно сказала:

— У нас у самих полный холодильник, только из города всего привезли.

— Пойдѐте с девочками пить козьѐ молоко, вот и отдадите бабушке.

Жена, соглашаясь, кивнула, хотя предстоящая передача законной хозяйке тайком принесѐнных нам яиц, снесѐнных ею лелеянными курицами, могла иметь для нас определённые последствия.

Дело в том, что мать Володи, добрая и трудолюбивая не по годам женщина, единственная на всю нашу дачную деревню держала козу. В качестве профилактики от простудных заболеваний моя супруга решила поить малолетних дочерей козьим молоком. Договорившись с недалёкой соседкой, двор которой всего через дом по порядку, она каждый вечер, когда пасущуюся невдалеке на привязи животинку приводили к её хозяйке, забирала девочнок и шла в ближайший конец деревни. Хозяйка, только подоив рогатую своевольницу (норов у козы был тот ещё: то умудрится вырвать колышек, к которому привязывалась удерживающая её верёвка, и убежать; то вот не гуляется ей на лужку, залезет в придорожные кусты и там запутается), тут же процеживала через марлю и наливала молоко в кружки детям, и те ещё тёплым его выпивали.

Предстоящая процедура передачи незаконно изъятых из хозяйства её сыном пяти куриных яиц, могла нарушить все нами ранее достигнутые договорѐнности.

Но уж тут как получится.

3

По своему рождению Володя не местный. Жизнь его помотала по необъятным просторам Советского Союза — от Средней полосы России до Камчатки. Была у Володи и семья — жена, дочь. Но это всё осталось в каком-то далёком и неясном, за чередой многих прожитых лет, прошлом. Сам он только раз с горечью об этом вспомнил, как о чём-то почти невероятном и малореальном. Развела, раскидала их судьба в разные стороны раз и навсегда, чтобы не соединить уже никогда.

Невысокого роста, худощавый, с прореженными временем, высветленными до пепельной серости волосами на голове, с перебитым и после неровно сросшимся носом, что придавало его лицу некоторую несуразность и даже комичность, Володя производил впечатление человека пьющего, утомлённого жизненным неблагополучием.

Но и в облике его, и в выражении лица было много добродушия, незлобивости, мягкости, в хорошем смысле этого слова — простоты. Потому и называли его все, несмотря на, в общем-то солидный возраст, без затей: словно был Володя ровня как старожилам нашей деревни, так и подросткам.

Деревенской работой Володя занимался с понуканием. Изначально он не был к ней приучен, и потому только упрѐки матери да увещевания, взывание к совести, угрозы сестры могли заставить его выйти на усадебный участок с лопатой вскопать грядки или с мотыгой окучивать картошку. Однако стоило надзору чуть-чуть ослабнуть, как Володя испарялся, исчезал из огорода, с усада, со двора и после найти его можно было, только приложив немалые усилия затаившимся в гостях у кого-то из своих знакомых-собутельников.

Вольная душа была у Володи, не терпящая привязанности к земле или дому.

Была у этого человека и одна удивительная, мало свойственная обыкновенному деревенскому люду черта: он знал и любил стихи Сергея Есенина. Кое-что из сочинений поэта, несмотря на тяжѐлые удары по памяти большей частью дешѐвого и некачественного алкоголя, он до сих пор помнил наизусть.

Неведомыми для меня путями как-то проведая, что я имею определённое отношение к литературному труду, Володя, однажды, возвращаясь с работы (традиционно в подвыпившем состоянии), подошёл, я косил траву напротив своего дома, и с чувством, проникновенно, словно открывая нечто потаённое, давно хранимую тайну, признался, что очень меня уважает.

Я был тронут словами соседа, а он прочитал мне наизусть стихотворение русского поэта:

*Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать.*

*Милые берёзовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть моей тоски.*

И вздохнув, махнув рукой, не читая последующих строф, завершил:

*Знаю я, что в той стране не будет
Этих нив, златящихся во мгле.*

Володя повёл рукой в сторону поля.

*Оттого и дороги мне люди,
Что живут со мною на земле.*

4

При всей вольности своего характера, Володя всё-таки был человеком хозяйственным. Хотя упрекали его родные за леность, мне всё-таки стоит отметить, что в этих упреках далеко не всё было справедливо.

Я уже упоминал, что он работал в совхозе за несколько километров от нашей деревни. Часть пути, преодолеваемого Володей ежедневно, проходил через лес. И в каком бы он ни был состоянии, всё равно тащил на плече срубленную жердь, засохшую лесину. Всё принесённое устанавливал в виде пирамиды возле бани. Со временем эта пирамида многократно разрасталась как в ширину, так и в высоту.

— Зачем ты всё это таскаешь? — как-то пожалев его труды, казавшиеся мне бессмысленными, спросил я у Володи.

— Хорошими покупными дровами летом печь топить не будешь. А нужно и для скотины приготовить, и для птицы, и постирать в печке-прачке, подтопок растопить, чтобы в сырую погоду избу согреть. Вот этот бросовый сухостой и пойдёт в дело.

Объяснял всё это Володя, стоя у своего деревянного сарая, под завязку набитого заготовленными хорошими сухими колотыми дровами.

Вообще нравилось ему иметь дело с лесом. С огородом — нет.

За то время, что я его знал, у Володи прожили свой век две собаки: обе маленькие, чёрненькие, лаючие, если подойти к его дому, тем более к калитке. Тут возмущению собак не было предела: до хрипоты, до крайнего звериного озлобления, до вздыбливания шерсти на невзрачных, коротких загривках. Кто их этому учил — сказать трудно. Не верится, чтобы подобную воспитательную работу проводил сам хозяин.

В то же время, когда сами свободно бегали по деревни, это были обыкновенные, добродушные, беспородные дворняжки: в меру трусливые, в меру заискивающие, в меру жуликоватые.

Первой была у Володи сучка Жучка. Прожив сполна весь свой собачий век, она умерла, и была зарыта в землю на краю картофельного сада скорбящим по ней хозяином. Второй щенок, что принёс Володя на свой двор, оказался кобельком. В память о своей любимице и преданном друге и новой собаке Володя дал похожую с прежней кличку — Жучок.

Жучку ненадолго, но всё-таки пришлось пережить своего хозяина. Так уж угодно было распорядиться неведомой для нас собачьей судьбе. Ну да об этом речь ещё впереди.

5

Зимой в нашей деревне одно время оставались жилыми всего два дома: один — первый от дороги с начала порядка; другой — в самом конце его у леса.

Когда я только купил здесь дом, были и ещё постоянные жители, но довольно быстро деревня осиротела. Дорогу к ней стало заметать снегом, и если браконьеры-лесорубы не тащили на тракторах из леса свою незаконную добычу, то она и вовсе напоминала нетронутую целину. И тогда жизнь в наших краях сразу дичала. С остальным миром её соединяла только с большим трудом набитая малым числом жителей тропинка до совхоза. Там работал магазин, была почта и, какая-никакая, власть. В деревне же жизнь настораживалась от полной оторванности и незащитности.

Одинокая старушка, жившая в начале деревни каждый месяц, во время получения пенсии, подвергалась ограблению местными пьяницами. Они приходили из совхоза, требовали денег, грозили и бедная женщина всё им отдавала. Боясь мести, она не смела на злодеев заявить в милицию. Да и где они — защитники? Далеко. А лихим людям — что стоило сжечь хозяйку вместе с домом, коровой и прочим хозяйством — пустяк, только спичку поднести к стожку сена, что высился у двора под старой, неизвестно какой век стоящей ветлой.

Когда был жив её муж, местный лесник, поговаривали, что мужик резкий, норовистый, властолюбивый, втихую приторговывающий государственным достоянием, так кто бы её посмел тронуть. А теперь, как сухая травинка в занесённом снегом просторе, — кто хочет, тот и сломаёт, затопчет, в поле от этого ничего не изменится.

К дому Володи злые люди подходили ли, нет ли, я не знаю — об этом ничего слышно не было.

Раз по какой-то срочной надобности я приезжал в свой дом поздней осенью, в самый предзимок, на легковом «Москвиче». В народе эту машину называли «Каблучком» за своеобразную форму небольшого грузового фургончика вместо пассажирского салона.

Дорогу заморозило, будто асфальтом покрыло, потому добрались мы с шофёром до дома без проблем. Гляжу, бежит ко мне Володя.

— Выручай, привозил из совхоза козла для своей козы. Теперь его нужно вернуть хозяевам, а я с ним управиться не могу — сильный, рогами бьётся.

Что делать? Решили помочь соседу.

— Только придётся тебе вместе с козлом в фургончике ехать. Другого места в машине нет.

Володя с радостью согласился. Убежал. Вскорости тащит на верёвке упирающегося здорового козла с закрученными к спине рогами. С великим трудом погрузили этого невероятно вонючего зверя в фургончик. Следом уселся Володя.

Довезли мы их до совхоза. Володя повёл сдавать козла хозяевам, как полностью и добросовестно выполнившего своё дело по увеличению козьего поголовья.

Позже, уже весной, вновь приехав в деревню, я узнал, что Володя в этот день получил травму головы — то ли сам разбил её, ударившись о батарею отопления в одном из подъездов жилого дома (спускался со второго этажа на первый и на лестничном пролёте не удержал равновесия, упал), то ли кто его неосторожно толкнул — это так и осталось невыясненным.

Понятно, что был Володя сильно пьян, потому и не мог ничего толком вспомнить. Не хотелось думать, что кто-то сознательно, по злобе его, беззащитного, жестоко избил. Хотя в пьяном неразумении, запальчивости чего только ни случается.

Лечился Володя в городе, в хорошей больнице, где сестра его работала медсестрой. Поплакала перед начальством, договорилась с врачами, и брата из района перевезли в областной центр. Закончилось дело оформлением преждевременной пенсии по инвалидности, чему Володя был несказанно рад. Теперь выплаты оказались выше, чем его зарплата в совхозе, к тому же и работать больше было не нужно.

Всем известна поговорка: беда одна не ходит. Так и тут — вскорости тихо и незаметно умерла у Володи мать-старушка. И остался над ним лишь один контроль — сестра, которая далеко, в городе.

Летом-то ещё куда ни шло. Каждые выходные слышен был в нашем конце деревни её громкий распорядительный голос. При ней не побалуешь. К тому же спирт для успокоения души и плоти страждущего она непременно привозила и братца, под строгим контролем выпиваемой нормы, угощала — как же: ведь родная кровь, хоть и безалаберный, а тоже жалко, хочется побаловать. К тому же начали мучить Володю сильные головные боли, а когда выпьет чего, так вроде полегче.

А вот зимой, долгими покинутыми одинокими днями, когда понимается, что спасение от тоски и ночных страхов только в одном — в вине? Как тут быть, как прожить?

Да тут и сосед внезапно объявился. Ещё одного неисправимого пьяницу спровадили из города жить в деревню. Вроде бы как дом сторожить от лихих людей, а на самом деле хоть немного отдохнуть от его бесконечных загулов, дебошей и требований денег на выпивку.

Вот на пару с этим соседом, мужичком шкодливым, в мелочах хитроватым, Володя и стал подворовывать: то в своей деревне, то в соседних. Немного, так только, чтобы на выпивку хватало. О закуске речи не шло — сосед хоть и алкоголик, но и заядлый грибник, за лето при любых погодных обстоятельствах успевал этого добра заготовить впрок: и засолить, и засушить.

По весне вернувшиеся в деревенские дома дачники замечали незначительные пропажи в своём хозяйстве, расстраивались, сокрушённо передавали друг другу недобрые вести (у кого лист фанеры пропал, приготовленный для ремонта веранды, у кого набор инструментов, у кого переносной насос воду из речки для полива качать), да и забывали об этом в наступивших хлопотах борьбы за урожай нового дачного сезона.

Кто мог быть причастен к случившимся пропажам, некоторые догадывались, между собой нет-нет да шушукались, но прямо подозреваемым в лихоимстве соседям обвинения не предъявляли. Неловко как-то живём рядом, в одной деревне, на одном порядке. А вдруг подозрения несправедливы — ведь за руку никто не пойман. Мучайся потом, прячь глаза при встрече, если подозрения не подтвердятся. Да и не так уж жалко пропажу — по большому-то счёту. Обидно только, оскорбительно.

Деревня наша небольшая, так её ещё и неглубокий болотистый овражек разделяет ровно наполовину — с одной стороны остаётся восемь домов, с другой — девять.

Когда-то домов было больше, но, оставленные хозяевами (одни переехали в благоустроенные многоквартирные дома в совхоз, другие подались в город, на заводы, учёбу — да так там и осели, обзавелись семьями), они постепенно хирели, крыши у них проваливались, дворы разрушались и теперь на их месте пустыри, заросшие крапивой да дикой злой травой в человеческий рост.

Если в эти пустыри углубиться, непременно ноги побьёшь о догнивающие, хаотически упавшие брёвна былых срубов. Вот туда никто и не ходит. Но напоминает мне вид этих пустырей человеческие судьбы. Вот так же выстраиваются они в хлопотах и заботах о пропитании, довольствии, удобствах, нацеленностью на далёкое будущее (ведь ради этого

неясного будущего всё и создаётся, столько трудов и сил полагается), а приходит срок, и...

Так незаметно, исподволь пришёл к Володе и его срок.

7

В тот год я работал в городе, далёком от родных мест, и потому в деревню наезжал редко. Да и вовсе, если быть точным, в ней не бывал. Лишь раз, под осень, в конце августа заглянул туда проведать свой сиротливо стоящий с закрытыми окнами дом. Тогда и узнал неожиданную новость о Володе.

Как-то прошедшим летом, абсолютно трезвый, он всех удивил. Ни с того, ни с сего пошёл по домам нашей деревни, и везде каялся в том, у кого что подворовал.

Всех обошёл, перед всеми повинулся. Люди только руками на него махали: нашёл что вспоминать, мы уж про это давно забыли. Никто на Володю не держал зла. Хотя тут, конечно, в этих словах полной правды не было: пропажа забывалась, её со временем становилось не жалко, а вот нанесённое воровством оскорбление — помнится долго.

В общем, дивились люди такому необычному поступку, успокаивали непутёвого соседа, как могли, у кого насколько хватало сердца. Ну вот разве в том, в чём каялся Володя, он и был только виноват, а другого никакого зла за ним не числилось, никто ничего худого вспомнить не мог.

А на следующее утро облетела деревню ошеломляющая всех весть: ночью Володя помер!

8

На этом можно было бы и закончить мне свой рассказ, если бы не ещё один эпизод, свидетелем которого я был.

Осиротела без Володи наша деревня. Вроде бы какая-то особенная душа ушла из неё, что-то необъяснимое, словами не передаваемое, изменилось, потухло в ней.

Никто больше рано утром не стучал к нам в дверь, не приходил к нам с просьбой опохмелиться днём. Не выбегал с радостным лаем на середину улицы Жучок, встречая возвращающегося с работы, пошатывающегося от выпитого за день вина, хозяина: не крутился пёсик у его ног, задрал крючком несуразный, лохматый хвост.

Не первым Володя был человеком, который при мне в деревне покинул этот мир, но первым, о котором сердце моё испытало скорбь — настоящую, не случайную. Особенно, когда узнал о последнем покаянно-прощальном дне его жизни.

Видимо, что-то было открыто Володе, раз так смело пошёл он «в народ» исповедоваться.

Сиротой остался и преданный ему пёс. Летом Жучку жилось как обычно сытно, а вот что делать зимой?

Договорилась медсестра с последней постоянной жительницей деревни, чтобы Жучок перезимовал с ней. Сама еженедельно из города возила кобельку еду, оставляла её у пожилой хозяйки: та ежедневно по необходимости выдавала прибегающему от своего двора к её дому пёсику дневную норму. Вовсе от своего двора Жучок уходить не хотел. К дому у дороги приходил только ради еды, а к ночи по им же набеганной узкой тропинке возвращался обратно в свою конуру, смастерённую и заботливо утеплённую ещё Володей.

К тому времени и моя работа в дальнем сибирском городе закончилась, я возвратился в родные места.

Начало декабря выдалось морозным, но малоснежным, и я, истосковавшись по тишине, по свежему лесному морозному воздуху, решил на два дня уехать в свою деревню.

Тишиной покинутого людьми места встретила меня знакомая улица.

Это пространство на земле уже окончательно было оставлено жителями до следующей весны.

Я вынул из машины сумку с припасами, открыл дом, вошел под его крышу.

В снях холодно, неуютно. Особый нежилой запах говорил о том, что давно хозяева не появлялись в этом жилище. Дом, как живое существо: он и скучает без людей, и томится, и стареет, дряхлеет раньше времени. Тогда и появляется в нём этот старческий запах.

Но зато как он оживает, стоит открыть его двери, отдернуть с окон занавески, впустив во внутреннее бревенчатое пространство дневной свет — даже такой тусклый, замирающий, потухающее закатный, тот особый свет окончания дня, который только и бывает во время бесприютной русской зимы.

Первым делом принёс дрова, затопил печь в первой комнате (вторую решил не открывать и печь в ней не затапливать — тяжело сразу обогреть весь дом), сходил к роднику за водой.

И тут у крыльца увидел маленького, серенького полосатого котёнка. Малыш призывно мяукал, похоже, что просил есть, но в руки не дался. Почти сразу он убежал к соседнему дому, спрятался там под крыльцо.

Я наломал ему разной еды на бумажную тарелочку (кусочки сыра, колбасы, ветчины), поставил её к лазу под крыльцо, туда, куда спрятался котёнок.

Пока дом обогревался и впитывал в себя уют электрического света, пока пощёлкивание и потрескивание в печи поленьев и свист закипающего чайника наполняли его пространство ожившими звуками, я ещё несколько раз выходил в морозную ночь, звал к себе котёнка (жалко было оставлять его на морозе, хотел забрать в тепло), но он так и не появился.

Поздно поужинав, при лунном свете я прошёл нашей улицей к покрытому льдом, слегка запорошенному снегом озеру. Постоял на плотине, слушая, как в ночи падает вода в обледенелый чёрный зев колодца водосброса.

Первобытная, космическая тишина окуджала меня. Ни звука вокруг, и только холодный, тягучий зов замерзающей стекающей воды под безжизненным лунным светом.

Уже тогда я подумал, что запомню эту ночь на всю свою оставшуюся жизнь.

На следующий день мне нужно было возвращаться домой. Котёнка я решил забрать с собой, но с сожалением увидел, что ничего из оставленного мною для него он не съел.

Укладывая вещи в машину, увидел, как по узкой замёрзшей тропинке торопится на край деревни Жучок. Пробежит несколько метров и встает, оглядывается, словно кого-то поджидает. Затем опять то же самое.

Я сел в машину, выехал на дорогу с нашего конца деревни и поехал в объезд. Напрямую не позволял проехать овражек.

Дорогу снегом ещё не завалило, и заледенелая примороженная корка на ней громко хрустела, ломаясь под шинами.

Когда машина поравнялась с крайним домом у дороги, и я прощаясь взглянула на деревню, то с изумлением увидел, как Жучёк ведёт за собой к единственно оставшемуся жилому дому котёнка. Пройдёт немного по тропинке, и, остановившись, оглядываясь, дожидается неспешно прыгающего за ним котёнка.

Увиденное настолько поразило меня, что я подумал: «Это Володина душа, вместе с Жучком, спасает только народившуюся кошачью жизнь».

Никого больше в этом белом промороженном пространстве не оставалось. Только одинокая старушка, осиротевший пёс и бесприютный котёнок.

И над ними тусклое, размытое, замерзающее зимнее солнце России.

д. Кунавино

15-16 августа 2019 г.